

**КУЛЬТУРА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ
ЭМИГРАЦИЯ И МЕМУАРЫ**

Сборник статей

Таллинн 2009

КУЛЬТУРА РУССКОЙ ДИАСПОРЫ ЭМИГРАЦИЯ И МЕМУАРЫ

Сборник статей

Редакционная коллегия:

И. Белобровцева (Таллинн, Эстония)
Е. Душечкина (С.-Петербург, Россия)
Р. Дэвис (Лидс, Англия)
О. Коростелев (Москва, Россия)
П. Лавринец (Вильнюс, Литва)
Л. Флейшман (Стэнфорд, США)

Ответственный редактор:

С. Доценко

Рецензент:

И. Белобровцева
проф. Таллиннского университета

Авторское право: С. Доценко (составитель) и авторы статей, 2009

Авторское право: Таллиннский университет,

Институт славянских языков и культур, 2009

ISSN-L 1736-8618

SSN 1736-8618

ISBN 978-9985-58-649-5

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Н. Андреева (Оксфорд) НИКОЛАЙ АНДРЕЕВ: ИСТОРИК В ЭМИГРАЦИИ И ИСТОРИК ЭМИГРАЦИИ.....	7
Ф. П. Федоров (Даугавпилс) ПОМИНАЛЬНЫЙ ТЕТРАПТИХ ИВАНА САВИНА	16
О. Р. Демидова (Санкт-Петербург) МЕЖДУ СТОЛИЦЕЙ И ПРОВИНЦИЕЙ (ИЗ АРХИВА Д. ФИЛОСОФОВА)	46
П. М. Лавринец (Вильнюс) МЕМУАР В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. В. ФИЛОСОФОВА 1920-1930-Х ГОДОВ.....	62
С. Г. Исаков (Тарту) РУССКИЕ В ЭСТОНИИ 1920-1930-Х ГОДОВ В МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	79
Г. М. Пономарева (Тарту) РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ В ТАЛЛИННЕ ВО ВРЕМЯ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941-1944)	105
Э. Б. Мекш (Даугавпилс) «ВСЕ СМЕШАЛОСЬ ЗДЕСЬ БЕЗ ЦВЕТА И ЛИЦА»: БОРИС ГЛУБОКОВСКИЙ (Комментарий к воспоминаниям Д. С. Лихачева о режиссере Соловецкого театра конца 20-начала 30-х годов).....	119
О. Лагашина (Таллинн) И. Ф. НАЖИВИН: «СЖЕЧЬ ТО, ЧЕМУ ПОКЛОНЯЛСЯ...»	134
А. А. Данилевский (Таллинн) МЕМУАРЫ Д. И. УЛЬЯНОВА КАК ПРЕТЕКСТ «ЗАЩИТЫ ЛУЖИНА»	150
Даниэль Риникер (Бохум) ПРОБЛЕМА ЭПИТЕКСТА У И. А. БУНИНА	186
Б. А. Равдин (Рига), Г. Суперфин (Бремен) ЛИДИЯ НОРД КАК ИСТОЧНИК	199

МЕМУАР В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. В. ФИЛОСОФОВА 1920-1930-х ГОДОВ

П. М. Лавринец (Вильнюс)

Дмитрий Философов, как известно, с начала 1920 г. обосновался в Варшаве и два последних десятилетия своей жизни провел в Польше. Его политическая и общественная деятельность сопровождалась участием в руководстве и редактировании газет «Свобода» (1920-1921), «За Свободу!» (1921-1932), «Молва» (1932-1934), журнала, затем газеты «Меч» (1934-1939). Для этих русских изданий, реже для польских, он писал статьи, заметки, рецензии, – нередко, как заметил Юзеф Чапский, по три статьи в день,¹ – до тех пор, пока 64-летний публицист и критик по возрасту и недомоганиям не прекратил в 1936 г. участвовать в печати и какой бы то ни было публичной деятельностью.

Собственно мемуаров Философов написал немного. К ним можно отнести большие очерки «Бакст и Серов» и, с оговорками, «Семья Стасовых» и «Лики Сологуба». Первый написан в связи с выходом брошюры Бакста «Серов и я в Греции» (Берлин, 1923), однако выходит за рамки отзыва о книге и содержит замечательные воспоминания о Баксте, Серове, Паоло Трубецком, о круге журнала «Мир искусств», с короткими выразительными характеристиками великосветского акварелиста Д. А. Бенкендорфа и знаменитого певца Ф. И. Шаляпина, – который, в частности, у Трубецкого в Париже после революции 1905 г. принял депутацию эмигрантских деятелей, пришедших просить дать концерт в пользу эмигрантов, в «костюме Адама до грехопадения», в каковом он позировал скульптору.²

Поводом для второго послужило столетие со дня рождения В. В. Стасова и его отголоски в печати. Помимо личных воспоминаний и оценок событий культурной жизни конца XIX-начала XX вв., в очерк вошли сведения, почерпнутые из обширного исследования А. В. Тырковой-Вильямс «Анна Павловна Философова и ее время» (Н. В. Стасова, сестра критика, мать Философова и М. В. Трубникова образовали знаменитый триумвират, сыгравший важную роль в развитии женского движения), воспоминаний С. М. Волконского и других источников. Очерк примечателен тем, что в нем отчетливо сформулирована задача помочь «молодой эмиграции в ее стараниях восстановить связь с прошлым, с поколением дедов, с временами, ставшими доисторическими», познакомить ее с теми культурными силами России, «влияние которых на русскую культурную жизнь прекратилось благодаря страшному перерыву последнего десятилетия».³

В статье по поводу смерти Федора Сологуба Философов следовал канве и отдельным деталям мемуарного очерка З. Н. Гиппиус, опубликованного тремя годами ранее. Он подробно описывал характер «учителя» Тетерникова в «первый период петербургской жизни», до революции 1905 г., его поведение на редакционных «четвергах» «Мира искусства», его «очень типичную, старосветскую» квартиру в небольшом здании «старого, провинциального типа», где хозяйство вела сестра; вспоминал, как возил к Сологубу Валентина Серова в надежде, что тот «воодушевится» и нарисует его голову. По убеждению Философова, «динамит в сютуке», «великий бунтарь, человек беспредельно одинокий и метафизически и эмпирически» был «особенно значителен и прекрасен именно в этой, традиционной обстановке старого “гоголевского” быта». После возвращения из-за границы Философов застал его «совсем другим», со «стилем модерн», привнесенным в его жизнь А. Н. Чеботаревской:

«Безвкусица “будуара” терракотового цвета, веера на стенах, альбомы иллюстрированных открыток на столах, успех, “Шиповник”, литературные вечера».⁴

Чеботаревская в своем «служении гению», новый облик писателя и его творчества рисуются на фоне ситуации в литературе «с “Сатириконом”, Аверченкой, Чуковским, “Шиповником”, театром Комиссаржевской, Мейерхольдом и “Бродячей собакой”», когда Блок завоевал «сердца всех прогрессивных барышень», началась конкуренция между «Шиповником», где царил Леонид Андреев, и «Знанием», где царствовал Горький. Новую атмосферу «суетливой свалки» иллюстрирует вечер «в уютной квартире модерн», на котором Чеботаревская явилась «вакханкой», Сологуб – «римским сенатором»:

«Александр Бенуа гениально изображает президента южно-американской республики. Ремизов подшивает к пиджаку хвост тигра, убитого каким-то знакомым доктором в Абиссинии. Хвост этот дал ему Алешка Толстой. Знакомый доктор устраивает грандиозный скандал, узнав, что хвост оторван от драгоценной шкуры».⁵

Третий облик Сологуба, начавшийся «с большевиками», Философов знал мало, из-за вскоре последовавшего отъезда, но назвал его прекрасным: Сологуб «свято и героически превратился в “кирпич в сюртуке”».⁶

Эта статья поводом и мемуарным компонентом входит в ряд аналогичных публикаций Философова. Например, на самоубийство В. В. Маяковского он откликнулся небольшой заметкой о своей единственной встрече с поэтом «в первый год войны, у одного скромного поэта-молодожена». Приглашение познакомиться Философов принял неохотно не только потому, что Маяковский не вызывал у него «серьезного интереса, но и потому, что он имел слишком прочно установленную репутацию скандалиста». Оказалось, однако, что опасный скандалист укрощается в присутствии «миловидной Брик, в которой было нечто от Ларисы Рейснер (впоследствии товарища Раскольниковой!)», имевшей «магическую власть Просперо над этим Калибаном-хулиганом».⁷

В связи с выходом очередного тома воспоминаний А. Ф. Кони Философов заметил, что «всякая “история”, всякие “мемуары” есть непременно восстановление известной традиции, как бы своеобразная генеалогия. В них протягивается таинственная нить от нынешнего к прошлому, устанавливается наша связь с прошлым <...>»⁸ Этой задаче восстановления и сохранения национально-культурной преемственности (но не только ей, как будет показано ниже) подчинены и другие газетные тексты Философова.

Среди них – некрологи и статьи к юбилеям деятелей русской эмиграции. В ряде некрологов автодокументальные элементы если и присутствуют, то скрываются за объективированным изложением деятельности, например, И. И. Петрункевича, земского деятеля, «представителя подлинной русской государственности, того настоящего, благородного **консерватизма**, который, благодаря “расейским” условиям, подвергался вечным гонениям и считался чем-то революционным».⁹ Другой характер носит окрашенный личным отношением некролог Гарольду Вильямсу.¹⁰ Прибывшего в Россию еще во время русско-японской войны корреспонденту английской газеты «Таймс», женившегося на писательнице и журналистке А. В. Тырковой, по словам Философова, звали в близких ему кругах «Гарольд Васильевич» и «считали почти своим». Сойтись с ним ближе Философову пришлось в последние шесть лет жизни в России (1912-1918) после того, как Тыркова принялась за работу по упомянутой биографии А. П. Философовой; в некролог включены разнородные эпизоды – усадебная идиллия в имении Тырковых на Волхове до войны; комический эпизод приема у английского посла отбывавшей в Англию делегации писателей, случайность отбора которой привела Вильямса в ужас, во время войны; последняя встреча на прощальном обеде после революции. Воспоминания о личных встречах включены также в некролог матери Б. В. Савинкова, сестре художника Ярошенко и некогда председательнице Шлиссельбургского комитета.¹¹ К такой разновидности ме-

муарных очерков, публиковавшихся по поводу смерти на родине или за рубежом выдающихся деятелей культуры, государственных и политических деятелей, можно отнести некрологи В. С. Серовой, жены композитора А. Н. Серова и матери художника В. А. Серова, которая была и «сама по себе очень интересной личностью, не только как жена и мать великих людей»,¹² очерк «Памяти А. И. Браудо», которого Философов знал четверть века, и знал очень хорошо, поскольку в течение десятка лет виделся с ним ежедневно в Императорской публичной библиотеке, где Браудо заведовал иностранным отделением юридических и социальных наук, к которому «без содержания» был прикомандирован Философов,¹³ и многие другие.

Примером юбилейной статьи с мемуарными включениями может служить «Семидесятилетие В. Л. Бурцева» в газете «Молва» (1932, № 196, 27 ноября).

Мемуарные отступления нередко содержатся также в откликах Философова на доклады или лекции, рецензии и публицистические статьи. Например, статья по поводу лекции Зелинского о взаимоотношении веры и знания в «Русском доме» в Варшаве симптоматично начинается: «В Петербурге, где проф. Зелинский был украшением Петербургского университета, мы его звали Фаддеем Францевичем».¹⁴ Десять лет спустя в газете «Молва» в статье к 400-летию Монтеня Философов сослался на статью известного ученого в «Газете Польской», прибегнув к аналогичной формуле (но с ошибкой в отчестве): «Проф. Тадеуш Зелинский, или, как мы его называли в старину – Фаддей Фаддеевич <...>».¹⁵

В большой рецензии на издание дневников Блока 1911-1913 гг. Философов дал общую картину литературной жизни, столь разительно изменившейся к возвращению его с Мережковскими после длительной отлучки из страны, когда «столпы литературно-политической святыни» («Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир Божий», Литературный фонд, Союз писателей) «как-то облупились», появились новые кумиры (Горький, Леонид Андреев, Арцыбашев) и «запах революции

выветрился, остался лишь душок порнографии». Для того, чтобы подчеркнуть кричащее несоответствие болезненного увлечения поэта стихией, воплощается ли она в океане, погубившем «Титаник», или в «скифстве» военного коммунизма, всему его облику, привычкам, быту, Философов рисует хорошо известные благодаря другим мемуаристам черты Блока: нежный и заботливый сын, «страшно аккуратный, чистоплотный», на письменном столе «такой же порядок, как у Мережковского», книги все переплетены и стоят в солидном шкафу, четкий почерк и «письма без поправок» («возмущался расхлябистым почерком Бори Бугаева (Андрея Белого)»). «А придешь к нему – он точно не живой, – продолжал Философов. – Вчера где-то в кабаке, в окрестностях Финляндского вокзала, он одиноко пил, чтобы затопить тоску, скифскую, цыганскую, звериную».¹⁶

Мемуарные вкрапления в статьях, заметках, рецензиях воссоздавали яркие и иногда забавные эпизоды культурной жизни России конца XIX в. Поводы для мемуарных отступлений и способы их включения в статьи на различные темы могли быть самые разные. Например, тема одной из статей – деградация «эмигрантского гетто», прикрываемая «довольно шумными» и «велеречивыми» выступлениями «очень видных, престарелых эмигрантов с обширными докладами на темы злободневные», с обзорами «иностранный политики всего мира». Зачином послужила сцена с «молчаливым сектантом из далекого прошлого»:

«К Д. С. Мережковскому, когда он был еще в России, захаживали порою сектанты. Один раз, в сопровождении Леонида Семенова, который «опростился» и, блестяще окончив университет, превратился в странника, пришел сектант довольно необычный, откуда-то с Кавказа. Довольно пожилой, лицо бронзовое, глаза раскосые, а повадка мусульманская. Точно он был когда-то мусульманином, или во всяком случае – обращался с восточными народами. Он по-восточному уселся на ковер, поджав ноги. Лицо измученное, усталое. Бороденка всклокоченная. В черных волосах пробивается седина.

Он предложил Д. С. Мережковскому несколько важных для себя вопросов о самых «последних вещах», о самой «последней правде».

Дмитрий Сергеевич увлекся и стал вещать, быстро носясь по комнате. Сектант слушал внимательно, вдумчиво, но не успевал угнаться за взлетами Мережковского. Он вдруг остановил его рукой и тихим, спокойным голосом сказал:

– Брат Дмитрий, помолчим.

И наступило молчание, не пустое, не условное, а переполненное мыслями и чувствами.¹⁷

Очевидно, «сектант азиатского типа, сидящий на ковре в петербургской квартире известного русского писателя» – никто иной, как А. М. Добролюбов. В мемуарном очерке «Мережковский» Гиппиус вспоминала нечастые «выплыванья» «Добролюбова-декадента»:

«Он являлся босой, в армяке, с такими же своими «учениками». Сидели все на полу, мало разговаривали, а когда их спрашивали, – то, немногословно ответив, прибавляли: «Брат мой, помолчим». Так Добролюбов приходил один раз к Брюсову, другой раз к нам».¹⁸

В памяти С. Н. Дурьлина от единственной встречи с Добролюбовым летом 1905 г. в издательстве «Посредник» осталась сходная сцена:

«В белой длинной рубаше, подпоясанной истово и крепко, с внешним обликом крестьянина, с лицом поразительной красоты, он сидел за столом с одним из братьев. Речь шла о духовной жизни. Он слушал, почти не говорил. Говорили другие. И вдруг он останавливал на говорившем свои большие, прекрасные глаза с нежной твердостью и тихо предлагал:

– Помолчим, брат.

Говорящий сразу замолкал. Вот когда молчание делалось действительно слышимым <...>»¹⁹

Пример другого рода – заметка, последовавшая за передовой статьей «Чехословакия и Советская Россия» в газете «За Свободу!». Передовица в нелицеприятных выражениях крити-

ковала статью Ю. М. Стеклова в «Известиях»: «является такой тип из Совдепии, кладет руки в карманы своих украденных брюк», поучает Бенеша; совет выбирать «или реакция, или коммунизм» «со стороны такого невежественного проходимца воистину достоин кисти Айвазовского, и представляется совершенно непонятным, почему это подлец из московских “Известий” счел нужным дурака ломать». Но в статью при публикации, как оказалось, вкралась опечатка – в оригинале было не «подлец», а «наглец». В следующем номере в рубрике «Мимходом» Философов под псевдонимом *Путник* напечатал заметку об этом (корректор, говорится в ней, должно быть, ничуть не удивился, поскольку «уже давно считал Стеклова не только наглецом, но и подлецом»), присовокупив несколько историй об опечатках. Оказалась удачей «Бессмертной пошлости людской» (вместо *безмерной*) у Тютчева, который «порадовался, что случай украсил его стих», и не стал опечатку исправлять;²⁰ напротив, большое объявление на первой странице «Нового времени», в котором название книги стихов Мережковского «Символы» было напечатано в виде «Символье», привело к конфузу: после него «в литературных кружках новое течение иначе не называли как “символьем”». Писательница Ольга Шапир в 1880-1890-х гг. пользовалась «известной популярностью», объяснимой не столько отсутствовавшим талантом, сколько прогрессивностью «и в политике, и в женском вопросе»; в статье А. М. Скабичевского, который в своей области «был еще бездарнее Ольги Шапир», упоминалась девичья фамилия писательницы Кислякова, напечатанная *Кисляква*. В. П. Буренин «прикинулся, что опечатку не заметил», и в фельетоне «стал называть Ольгу Шапир “Кисляквой”», через строку склоняя *Кисляквой, Кисляквы, Кислякве*, и с тех пор «бедную Ольгу Шапир иначе не называли как Кисляквой».²¹

Те же сюжеты об опечатках в строке Тютчева и в «Символье» использованы в заметке «Об опечатках» в газете «Молва» восемь лет спустя. Здесь Философов рассказал, что с опечатками его примирил «один очень интересный факт, сообщенный» ему Гиппиус:

«Читали мы как-то Тютчева. В каком-то его стихотворении меня поразило одно прекрасное и необычное, в данном контексте, слово. К сожалению, не помню теперь, в каком это было стихотворении, и какое это было слово. З. Н. пояснила мне, что это – **принятая самим Тютчевым опечатка**. Он ее заметил в корректуре, но она ему так понравилась, что он ее не исправил».²²

Так «скромный наборщик, сам того не чая», «улучшил текст великого поэта». В той же заметке несколько иначе изложен случай с «Символами»: Мережковский сам «тщательно написал текст объявления, и лично снес его в контору “Нового времени”», после выхода газеты с «Символьем» «этому возрадовался» Буренин, и после его фельетона кто только «не преследовал Мережковского этим несчастным “символьем”».²³ Обращения к прошлому использовались для решения задач современной литературной и политической борьбы. Злоба дня, актуальные события и их отражения в повременной печати становились поводом для мемуара, который, в свою очередь, применялся для дискредитации оппонента в общественно-политической и литературной полемике. Для разоблачения оппонентов использовались также случаи из далекого и недавнего прошлого, очевидцами которых Философов мог и не быть или заведомо не был. Так, в отклике на доклады в Праге П. Н. Милюкова и статьи в «Последних новостях» по национальному вопросу Философову «неволью» вспомнился «трагикомический анекдот с гр. Витте, в эпоху первой революции»: «Как Милюков преисполнен ныне лучших чувств по отношению к “инородцам”, так в ту эпоху 1905 года премьер Витте очень хорошо относился к “бедному рабочему” и на одном собрании, чтобы выразить рабочим свое полное благоволение, начал свою речь обращением “братцы”. Каково же было его удивление (совсем такое же, как ныне у П. Н. Милюкова!), когда рабочие, в ответ на это милостивое и прекраснородушное обращение, что называется, ему “наложили” и “братцами” графа Витте себя не признали. С. Ю. Витте был до слез огорчен (Совсем как ныне П. Н. Милюков!)».²⁴

В статье «Карлсбад, Геркуланум и Помпея» обличению политической наивности и недалёковидности того же Милюкова служит эпизод лета 1914 г., когда член Государственного Совета профессор М. М. Ковалевский, свято верящий в «незыблемость» международных договоров, посоветовал графу Орлову-Давыдову возвращаться на родину из Карлсбада через Бельгию, не допуская мысли, «что Германия разорвет подписанный ею договор» о нейтралитете Бельгии. Последовавшие совету курортники добрались до России лишь осенью, «через Торнео, побывав чуть ли не за полярным кругом», чувствовали себя «почти героями, “жертвами войны”» и долго рассказывали о «германских зверствах» (поскольку, замечает Философов, тогда «не знали еще зверств подлинных» и «не предвидели своих последующих встреч с большевицкими чекистами»).²⁵

В мемуарных и автодокументальных нарративах, включенных в публицистические тексты, Философов черпал аргументы в формулировании собственной программы эмигрантского активизма. Активизм для него был не только тактическим методом, но и мирозерцанием, умонастроением и «некоторой философией истории»; принципы его распространялись не только на политическую и общественную деятельность, но и на различные области творческой деятельности. Активизм предполагал бескомпромиссное, самоотверженное действие волевой, самостоятельной личности, не считающейся с мнениями авторитетов и окружения, не применяющейся к обстоятельствам, не соизмеряющей свои замыслы с шансами на успех. Не вызывает сопротивления и ведет к дешевому успеху привычное, плоское и бездарное, поэтому слишком быстрое признание обличает моральную недоброкачественность и творческую несостоятельность. Напротив, неуспех, непонимание окружающими и неприятие современниками удостоверяют высокие качества личности, политического предприятия или творческой инициативы.²⁶

В обоснование своей концепции Философов прибегал к примерам неприятия впоследствии признанных авторов и произведений. Он напоминал о пустых залах на «беляевских концертах» Н. А. Римского-Корсакова, М. П. Мусоргского, А. К. Глазунова и других композиторов «могучей кучки», о том, как редактор «Вестника Европы» М. М. Стасюлевич отказался печатать очерки Д. С. Мережковского, вышедшие впоследствии под заглавием «Вечные спутники». Всем кажется, писал Философов, что «Александр Блок сразу просиял», но он помнил о том, как «довольно долгое время талант Блока признавал лишь очень ограниченный круг людей», и ссылался на конфликт между Мережковским и редакцией «Русской мысли», которая в 1908 г. отказалась печатать доклад Блока «Россия и интеллигенция»: ²⁷ статья «причинила крапивную лихорадку недавно скончавшемуся профессору А. А. Кизеветтеру», который «не мог допустить, чтобы подобное неприличие появилось на страницах рассудительной “Русской мысли”». ²⁸

По разным поводам напоминая о своей, «по крайней мере, сорокалетней работе около художественного творчества», ²⁹ о начале литературной деятельности, – а «началась она, страшно сказать, в конце 1893-го или начале 1894 года, в журнале “Северный вестник” (эпохи Л. Я. Гуревич и А. Л. Флексера-Волынского)», ³⁰ – о своем участии в заседаниях Религиозно-философского общества, в «Мире искусства», «Русской мысли» и «Речи», о близком знакомстве с известными писателями, публицистами, критиками, художниками, Философов подчеркивал давность своего присутствия в литературной жизни и обрисовывал свое место в довоенной общественной и культурной среде Петербурга. По поводу возвращения в Москву Максима Горького «после долгого пребывания между фонтанами и бананами, под крылышком Муссолини», Философов напомнил о собственной статье «Конец Горького» в «Русской мысли» (1907). Это напоминание попутно свидетельствовало о верности суждений и прозорливости Философова, подтвержденных дальнейшей эволюцией Горького:

«лет двадцать тому назад» статья нашумела, автора, «само собой разумеется, облаяли. Но Горький, конечно, тогда уже кончился. Он тогда показал пределы своих сил, показал, что он неисправимый Калибан, что он “явление”, что идти вперед он уже не может, дошел до своего предела».³¹

В статье к приезду К. Д. Бальмонта в Польшу в 1927 г. Философов подчеркнул, что для него поэт – не имя знаменитости из энциклопедического словаря, но живой образ, в котором «литература связывается с жизнью», а история его успеха – «с личными, и очень давними воспоминаниями». В статье упоминается знакомство с Бальмонтом в январе 1891 г. в Москве, припоминается резонанс, вызванный выходом в 1899 г. номера «Мир искусства» («в котором я заведовал литературным отделом»), посвященного современным поэтам, – с участием Бальмонта, Гиппиус, Мережковского, Минского и графикой Бакста, Бенуа, Билибина, Лансере.³²

В мемуарных вкраплениях некрологов, рецензий, статей Философов предстал свидетелем и участником событий культурной и общественно-политической жизни прошлого, отмеченных подразумеваемой высокой престижностью явлений дореволюционных и столичных. Это повышало его собственный литературный и общественный статус. С другой стороны, мемуары и мемуарные отступления относили его к той традиции, восстановление и сохранение преемственности с которой составляло одну из важнейших программных установок эмиграции. Более того, Философов становился носителем, живым воплощением традиции: он «лично был у Льва Толстого два раза»,³³ оба раза в Москве: в 1891 г. (с С. П. Дягилевым, «моим двоюродным братом»; выдержки из «стенографического отчета» об этом посещении Философов по смерти писателя опубликовал в «Русской мысли») и в 1899 г. Первый визит оставил «впечатление человека небольшого, впечатление маленького, сухонького старичка, очень подвижного» (и «изящного», добавил Философов с извинениями за «пошлый эпитет»). Цель второго посещения состояла в том, чтобы со

«свойственным молодости нахальством» просить статью для пушкинского номера «Мира искусства», где она оказалась бы среди статей Владимира Соловьева, Мережковского, Розанова, Минского. На этот раз Толстой много «болтал, рассказывал анекдоты, иногда довольно злые, вставлял французские словечки», говорил не «по-толстовски», а как «культурный барин-аристократ». Статьи он не дал, но «рассказал много интересного о Тургеневе и Достоевском», о том, почему не был знаком с Достоевским, «несмотря на то, что Достоевский неоднократно выражал желание с ним познакомиться», и не участвовал в пушкинских торжествах в Москве 1880 г.³⁴

Философов помнил Кони «с самого детства» и четверть века поддерживал с ним сношения.³⁵ Близкое знакомство связывало Философова с врачом Н. А. Белоголовым, который, в свою очередь, дружил с графом Лорис-Меликовым и лейб-медиком Александра II Боткиным, хорошо помнил декабристов и лечил Некрасова, Тургенева, Салтыкова-Щедрина. Вместе с Белоголовым Философов останавливался в пансионе, который во Флоренции содержала дочь декабриста Поджио, и посещал в Лозанне сына Герцена.³⁶ Е. В. Сабурову, признавался Философов, он «знал слишком мало»; тем не менее по немногим личным впечатлениям он отдал дань памяти «тете Леле», «как называли ее люди ее круга», – жене выдающегося государственного деятеля, статс-секретаря А. А. Сабурова и дочери писателя графа В. А. Соллогуба, которая сама казалась героиней «Войны и мира».³⁷

Воспоминания и мемуарные компоненты разнородных текстов Философова конструировали его позиции в литературной и политической иерархиях. Напоминания о времени и месте своего вступления в литературу (в России – до революции и эмиграции, к тому же в столице) актуализировали принадлежность к старшему поколению, занимающему высокое положение, и другие маркеры престижности, тем самым служа повышению статуса. С другой стороны, они легитимизировали роль руководителя общественным мнением в усло-

виях, когда в литературную и общественно-политическую жизнь русского меньшинства в Польше вошло новое поколение. Об этом достаточно откровенно сказано в статье к 70-летию А. М. Хирьякова: старшее поколение «имеет свою длительную историю, свою биографию, которая протекала в России», но эта биография «почти неизвестна второму поколению, не говоря уже о третьем». Это создает впечатление, что старшее поколение или ничего не делало, или делало какие-то глупости, иначе «нам не пришлось бы бежать» и «мы бы остались на “командных” высотах». Философова оставалось, в надежде на то, что «когда-нибудь “монах трудолюбивый” укажет каждому свое место», лишать новое поколение права на оценку («будущие поколения узнают, что как бы ни были велики грехи и ошибки нынешнего “старшего” поколения, не молодой эмиграции о них судить») и в то же время так или иначе напоминать о том, что он и его поколение делали не только «какие-то глупости».³⁸

Таким образом, назначение воспоминаний и мемуарных отступлений в публицистике Философова не сводится к восстановлению и сохранению прошлого и аргументации в злободневной полемике. Мемуарные эпизоды и исторические анекдоты не только реконструировали ушедшую реальность былой России, войны и революции, но и конструировали наличную действительность полей власти и культуры. Мемуарные тексты и мемуарные нарративы в составе рецензий, некрологов, публицистических и иных текстов по существу утверждали превосходство системы ценностей, репрезентируемых их автором, специфическим образом подкрепляли критерии оценки собственной критической и публицистической продукции и общественно-политической деятельности. Принадлежность к столичному и дореволюционному кругу производителей символических благ обосновывала право на статусные привилегии. Обозначая свою давнюю причастность к «высшей ценности», приписанной в Зарубежье русской культурной традиции, Философов стремился сохранить престижные позиции, присвоить и удержать за собой высокое положение в культурной и

общественной иерархии. Таким образом мемуар обеспечивал притязания на культурную легитимность, стал инструментом присвоения и распределения символического капитала, средством актуальной борьбы за власть в поле идеологии, литературы, культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Białokozowicz B. Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Mereżkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Fiłosofov // Kresy i pogranicza: Historia, kultura, obyczaje. Olsztyn: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1995 (Studia i Materiały WSP w Olsztynie. № 63). S. 148.*
- ² *Философов Д.* Бакст и Серов // *За Свободу!* 1923. № 235 (984). 15 октября. С. 3-4.
- ³ *Философов Д.* Семья Стасовых (Времена доисторические) // *За Свободу!* 1924. № 27 (1082). 29 января. С. 2-3; № 28 (1083). 30 января. С. 2-3; № 30 (1085). 1 февраля. С. 2-3.
- ⁴ *Философов Д. В.* Облики Сологуба // *За Свободу!* 1927. № 284 (2316). 11 декабря. С. 2.
- ⁵ *Философов Д. В.* Облики Сологуба // *За Свободу!* 1927. № 284 (2316). 11 декабря. С. 2.
- ⁶ *Философов Д. В.* Облики Сологуба // *За Свободу!* 1927. № 284 (2316). 11 декабря. С. 2-3.
- ⁷ *Философов Д. В.* Лиля Брик // *За Свободу!* 1930. 107 (3088). 20 апреля. С. 4. Очевидно, встреча состоялась летом 1915 г.: к концу июля относится «радостнейшая дата» знакомства Маяковского с Л. Ю. и О. М. Бриками (см.: *Маяковский В.* Полное собрание сочинений: В 13 т. / Подг. текста и примеч. В. А. Катаняна. Т. 1. 1912-1917. М.: ГИХЛ, 1955. С. 23; *Катанян В.* Маяковский: Литературная хроника. Изд. 4-е доп. М.: ГИХЛ, 1961. С. 75).
- ⁸ *Философов Д.* На жизненном пути: (По поводу новой книги А. Ф. Кони) // *За Свободу!* 1923. № 89 (830). 22 апреля. С. 2-3.
- ⁹ *Философов Д. В.* Тверской земец: Памяти Ивана Ильича Петрункевича // *За Свободу!* 1928. № 140 (2472). 21 июня. С. 2-3 (выделение принадлежит Философову. – П. Л.).

- ¹⁰ *Философов Д. В.* Памяти Гаральда Вильямса: (Страничка из воспоминаний) // *За Свободу!* 1928. № 270 (2602). 23 ноября. С. 2.
- ¹¹ *Философов Д.* Памяти С. А. Савинковой // *За Свободу!* 1923. № 74 (815). 4 апреля. С. 3.
- ¹² *Философов Д.* Памяти В. С. Серовой // *За Свободу!* 1923. № 170 (1225). 29 июня. С. 2.
- ¹³ *Философов Д.* Памяти А. И. Браудо // *За Свободу!* 1924. № 323 (1378). 1 декабря. С. 2-3.
- ¹⁴ *Философов Д.* Тадеуш Зелинский // *За Свободу!* 1923. № 58 (799). 13 марта. С. 2.
- ¹⁵ *Философов Д.* В защиту Монтэня (1533-1933) // *Молва.* 1933. № 189 (412). 20 августа. С. 3.
- ¹⁶ *Философов Д. В.* Будни поэта // *За Свободу!* 1928. № 93 (2405). 22 апреля. С. 2-3.
- ¹⁷ *Философов Д. В.* «Брат Дмитрий, помолчим» // *Молва.* 1934. № 23 (543). 28 января. С. 2.
- ¹⁸ *Гиппиус З.* Живые лица / Сост., вступ. статья и коммент. А. Николюкина. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 276.
- ¹⁹ Цит. по: *Кобринский А.* «Жил на свете рыцарь бедный...» (Александр Добролюбов: Слово и молчание) // *Ранние символисты: Н. Минский, А. Добролюбов. Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, подг. текста, состав., примеч. А. Кобринского и С. Сапожкова.* СПб.: Академический проект, 2005. С. 448.
- ²⁰ Действительно, в Сушковской тетради заключительная строка стихотворения «Чему молилась ты с любовью...» имеет вид «Безмерной пошлости людской», а печаталась иначе: «Бессмертной пошлости людской» (см.: *Тютчев Ф. И.* Лирика: В 2 т. / Издание подготовил К. В. Пигарев. М.: Наука, 1965 (Литературные памятники). Т. 1. С. 256, 399).
- ²¹ *Путник [Д. В. Философов].* Художественные опечатки // *За Свободу!* 1923. № 278 (1027). 29 ноября. С. 2.
- ²² *Философов Д. В.* Об опечатках // *Молва.* 1932. № 75. 7 июля. С. 2.
- ²³ *Философов Д. В.* Об опечатках // *Молва.* 1932. № 75. 7 июля. С. 2.
- ²⁴ *Философов Д.* «Братцы» // *За Свободу!* 1924. № 134 (1189). 23 мая. С. 2.
- ²⁵ *Философов Д.* Карлсбад, Геркуланум и Помпея // *Молва.* 1932. № 44, 29 мая. С. 8; *то же:* Балтийский архив. http://www.russianresources.lt/archive/Filo/Filo_4.html.

- ²⁶ См. подробнее: *Лавринец П.* Мотив неуспеха в поздней публицистике Д. В. Философова // *Literatūra*. 2006. 48 (2): *Rusistica Vilnensis*. С. 74-82; *то же*: http://www.leidykla.eu/fileadmin/Literatura/48-2/Pavel_Lavrinec.pdf.
- ²⁷ См. *Блок А.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 5. Проза (1903-1917). М.; Л.: ГИХЛ, 1962. С. 742-743.
- ²⁸ *Философов Д. В.* От чего зависит возрождение эмиграции? Доклад, прочитанный 18 марта 1934 г. на собрании «Литературного Содружества» // *Меч*. 1934. № 5. 3.VI. С. 5-9.
- ²⁹ *Философов Д. В.* Две автобиографии // *Молва*. 1933. № 294 (517). 23-25 декабря. С. 2.
- ³⁰ *Философов Д. В.* Об опечатках // *Молва*. 1932. № 75. 7 июля. С. 2.
- ³¹ *Философов Д. В.* Два Калибана // *За Свободу!* 1928. № 126 (2458). 3 июня. С. 5.
- ³² *Философов Д.* Бальмонт // *За Свободу!* 1927. № 93 (2125). 23 апреля. С. 3; *то же*: Балтийский архив. http://www.russianresources.lt/archive/Filo/Filo_2.html.
- ³³ *Философов Д. В.* Мицкевич в новой одежде // *Молва*. 1933. № 207 (430). 10 сентября. С. 2.
- ³⁴ *Философов Д.* Какого роста был Лев Толстой? // *За Свободу!* 1927. № 212 (2244). 16 сентября. С. 3. Статья инкрустирована краткой мемуарной характеристикой скульптора Паоло Трубецкого как человека с «детской душой» и «совершенно необразованного», любящего животных «до болезненного сумасшествия», и воспоминанием о том, как «в одном парижском салоне» Философову довелось присутствовать при разговоре Анатоля Франса с Мережковским: Франс «напомнил чуть-чуть Толстого, а Мережковский – Достоевского».
- ³⁵ *Философов Д.* А. Ф. Кони и большевики // *За Свободу!* 1927. № 219 (2251). 24 сентября. С. 3.
- ³⁶ *Философов Д. В.* Борьба с эмигрантской «уравниловкой» // *Молва*. 1932. № 74. 6 июля. С. 2.
- ³⁷ *Философов Д.* Невозвратное время: Памяти Е. В. Сабуровой // *Молва*. 1932. № 128. 8 сентября. С. 2.
- ³⁸ *Философов Д.* Привет А. М. Хирьякову // *Молва*. 1933. № 184 (407). 13 августа. С. 3.